А 287/585
Корш.

ЭВ

585
№ 287
585

О. Е. Корш.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДЕСЯТИСЛОЖНАГО СТИХА ЮЖНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Оттискъ изъ «Сборника въ честь В. И. Ламанскаго».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1905.

№ 20
5785

О. Е. Корш.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
ДЕСЯТИСЛОЖНАГО СТИХА
ЮЖНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Оттискъ изъ «Сборника въ честь В. И. Ламанскаго».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1905.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ * РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

2007110880

Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ.

Десятисложный стихъ у Славянъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ десятисложнымъ, который часто является у Французовъ еще съ X в. на смѣну одиннадцатисложнаго въ качествѣ лишь случайной его разновидности: несмотря на вольное, по большей части, такъ называемое слоговое (силлабическое) построеніе такихъ стиховъ у Славянъ и Французовъ, при которомъ ихъ ритмическій складъ, т. е. стопный составъ, сказывающійся въ пѣніи, можно угадать, помимо помощи отъ напѣва, только изъ конца стиховъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, у Французовъ и Поляковъ ритмическое удареніе обязательно совпадаетъ съ разговорнымъ, или же путемъ извлеченія господствующаго строя изъ большинства наиболѣе ровно текущихъ стиховъ, не трудно все-таки придти къ тому выводу, что французскій десятисложный стихъ построенъ по образцу двусложнаго восходящаго (ямбическаго) ритма, а славянскій — по образцу двусложнаго нисходящаго (трохаическаго), или, если мы прибѣгнемъ къ изображенію этого стиха метрическими знаками, принимая въ расчетъ только ритмическое значеніе отдѣльныхъ слоговъ при обыкновенномъ чтеніи (не при пѣніи), у Французовъ онъ представляется въ видѣ

⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ,

а у Славянъ —

⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑.

Всего болѣе распространенъ этотъ размѣръ — десетéрац — у Сербо-Хорватовъ, но, на сколько извѣстно, лишь въ позднѣйшія времена, такъ какъ въ XV вѣкѣ мы его не находимъ ни у Дубровчанъ, ни у Хорватовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого названія, а въ XVI — только у Гекторовича въ Ribanje, именно, что̀, можетъ быть не лишено значенія для вопроса о происхожденіи этого размѣра, въ застольной пѣснѣ (počašnica), ст. 233—235:

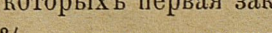
Majka mu je lipo ime dila,
svitla sunca gledajući,
Ljuba mu je zlatom venčac vila,
uz konjića poticući.
Lipo ti je, brajo, pogledati

и т. д. въ осмерцахъ, съ которыми десетерцы вообще чередуются въ этомъ мѣстѣ (ср. Н. Петровскій, О сочиненіяхъ Петра Гекторовича стр. 158 слѣд., примѣч. 4). Ничего общаго съ тѣмъ, что̀ принято называть десетерцемъ, не имѣютъ десятисложные стихи Динка Ранины 361, 5 и 8 и 362, 2 и 11, обусловленные исключительно строемъ этихъ двухъ стихотвореній изъ то уменьшающихся, то увеличивающихся на одинъ слогъ строчекъ и предполагающіе при пѣніи совсѣмъ иной ритмъ:

Da mogu kušat, kako se prima.
Sve što joj bolje život moj dvori.
Dav se vili moj u dvor za slugu.
Tugome jadnom zla boles moja,

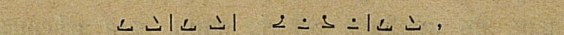
о чемъ ниже. Впрочемъ возможно, что десятисложнаго стиха въ то время не было именно только у Дубровчанъ и у Хорватовъ, а что̀ касается собственно Сербовъ, то отъ нихъ мы не имѣемъ такихъ старыхъ стихотворныхъ памятниковъ. Нынѣшняя распространенность этого размѣра среди всего сербохорватскаго племени и, отъ него, среди Словѣнцевъ, преимущественно шти-

рійскихъ, подвергшихся непосредственному вліянію Хорватовъ, наводитъ на мысль, что онъ уже съ давнихъ поръ былъ въ употребленіи у Сербо-Хорватовъ, хотя, можетъ быть, не повсемѣстно или, по крайней мѣрѣ, лишь для пѣсенъ опредѣленнаго рода, случайно не дошедшихъ до насъ, а впослѣдствіи, приблизительно въ XVII вѣкѣ, началъ мало по малу, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими напѣвами, расширять область своего примѣненія, захватывая все новыя мѣстности и все новые отдѣлы народнаго творчества. Есть предположеніе, что десятисложный стихъ проникъ въ лирическія пѣсни и еще болѣе — въ эпическія (откуда онъ также «jȕначкӣ») изъ обрядныхъ. Это допустимо, но едва-ли можетъ быть доказано неопровержимыми данными, да и не особенно нужно, такъ какъ о стихотворныхъ размѣрахъ собственно сербскихъ мы знаемъ довольно мало чуть-ли не до XVIII в. и даже до XIX в., когда «десетерац» уже, можно сказать, заполонилъ сербо-хорватскую народную поэзію вообще. Во всякомъ случаѣ, какъ указываетъ г. Петровскій тамъ-же, уже въ XVIII в. у Качича-Міочича этимъ стихомъ сложены не только собранныя или передѣланныя имъ народныя пѣсни, но и Razgovor, и тотъ-же размѣръ употребленъ монахомъ Лаврентіемъ (F. Lovro iz Ljubuška) въ Pisna od pakla, изданной въ 1727 г. Какъ-бы то ни-было, нельзя считать его какимъ-то новымъ пришельцемъ чисто мѣстнаго происхожденія, не стоящимъ ни въ какой исторической связи съ общими сербо-хорватскими размѣрами. Сербо-хорватскій «десетерац» по напѣву старинныхъ народныхъ пѣсенъ построенъ на слѣдующемъ ритмѣ:

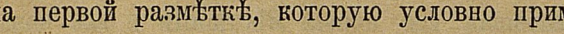


т. е. состоитъ изъ двухъ раздѣленныхъ постояннымъ сѣченіемъ (цезурой) частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ двѣ стопы (два такта) въ $^2/_4$, а вторая — также двѣ стопы того-же размѣра, но въ первой стопѣ четверти раздѣлены на осьмыя. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не столько о дѣйствительной длительности каждаго распѣваемаго слога, сколько

о взаимномъ отношеніи этихъ слоговъ по длительности, почему возможна, напр., и такая размѣтка:

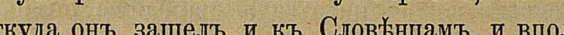


т. е. полунотами вмѣсто четвертей и четвертями вмѣсто осьмыхъ; но ради простоты въ употребленіи метрическихъ знаковъ остановимся на первой размѣткѣ, которую условно примѣнимъ по возможности и къ другимъ размѣрамъ. Во всякомъ случаѣ вторая часть десятисложнаго стиха совершенно тождественна съ каждой изъ двухъ частей двѣнадцатисложнаго (дванаесте́рца)—

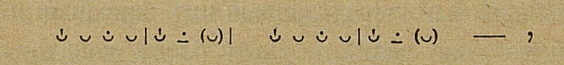


любимаго размѣра Дубровчанъ въ XV — XVII в. и до сихъ поръ еще употребительнаго какъ у Сербовъ, такъ и у Хорватовъ, откуда онъ зашелъ и къ Словѣнцамъ, и вполнѣ совпадающаго съ польскимъ краковякомъ — кромѣ синкопы въ послѣднемъ:

широко распространеннымъ также у Чеховъ и Словаковъ и отчасти у Лужичанъ. Но и первая часть десятисложнаго стиха можетъ восходить къ тому же первообразу, такъ какъ она по длительности равняется первой-же его части (которая впрочемъ не отличается отъ второй):



Какъ легко могло совершиться такое стяженіе, показываетъ малорусская пѣсня



Оба эти стиха сложены совсѣмъ по-сербски: первый есть безусловно правильный десетѐрац, второй — четирнаестѐрац (по Суботичу—до̏долски̅ + кра̏лички̅), которымъ сложены почти всѣ хороводныя пѣсни (од кола), сохраненныя, передѣланныя или сочиненныя дубровницкими поэтами XV—XVII в. *). И оба эти стиха ритмически между собою равны, какъ и вторая часть каждаго, равная половинѣ двѣнадцатисложнаго (до̏долско̄га вѐ-ђе̏га), равна первой части каждаго изъ нихъ. Сознательность или, такъ сказать, свѣжесть стяженія первой части въ малорусскомъ примѣрѣ выдаетъ себя сѣченіемъ между стопами, которое свойственно не четырехсложному члену, а осьмисложному, какъ дальше въ той же пѣснѣ

◡́ ◡ ◡́ ◡|| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ⊥ ⊥́|
Колú-б знáла, колú-б знáла, звідкіль виглядáти

и помимо повторенія:

◡́ ◡ ◡́ ◡|| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ⊥ ⊥́
Ой, хмáриться, тумáниться, до̂щик накрапáє

и т. п., какъ и у Сербовъ:

◡́ ◡ ◡́ ◡|| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ◡ ◡́ ◡| ⊥ ⊥́
Шéто̄ сам се го̏ре, до̏ле по̀ зелѐно̄ј ба̄шчи,
◡́ ◡ ◡́ ◡|| ◡́ ◡ ◡́ ◡| ◡́ ◡ ◡́ ◡ ⊥ ⊥́
Тра́жио сам, ко̀јӯ во̏ли̅м, хо̀ћу ли је на́ћи.

То-же правило соблюдается по большей части и въ десятисложномъ стихѣ, напр.:

---

*) Но у Ганнибала Луцича 15:

Не̏харну слу́жи̅м го̏споју, за̀ мани да̑нке тра̏ћу,
За вѝрнӯ слу́жбу јер мо̀ју нѐће̄ ми да̏ти пла́ћу,

и т. д., размѣромъ, извѣстнымъ у Византійцевъ подъ названіемъ политическаго —

◡|◡́ ◡ ◡́ ◡|◡́ ◡ ◡́ ◡|◡́ ◡ ◡́ ◡|⊥ ⊥́ —

и встрѣчающимся также у Итальянцевъ въ XIII в.

Тȅжко дōљи, гди се вȍда слӣвā,
Тȅжко мȍмку, кȁд мо̏лӣ ђèвōјку,
Ōн је мо̏лӣ, ȍна се ђавȍлӣ,
Ōн је слȇћē, а ȍна га нȇћē,

но не всегда, потому что стяженіе въ первой половинѣ установилось давно, а четыре слога сами по себѣ легко могутъ обойтись безъ дѣленія пополамъ. То-же дѣленіе и въ малорусской пѣснѣ «Ой, піду́ я до млина́», гдѣ есть такіе стихи (по напѣву):

Ме́ле, ме́ле, на кі́ш насипа́є
И на ме́не пи́льно погляда́є,

изъ которыхъ во второмъ оно, впрочемъ, уже нарушено, какъ въ томъ-же стихѣ дальнѣйшей пары, стянутомъ еще болѣе:

Ме́ле, ме́ле, ретету́є,
Обе́рнется й поцілу́є.

Любопытна судьба этого стиха у Болгаръ, къ которымъ онъ перешелъ, вѣроятно, отъ Сербовъ, а не на оборотъ. Есть болгарскія пѣсни, сложенныя сплошь этимъ стихомъ, но онѣ производятъ впечатлѣніе чуть не перевода съ сербскаго, напр. у Дозона 38:

Дѣво́йка је смѝл по по́ле бра́ла,
Берешко́м је в го́ри замърна́ла.
Намѣри́ла петстоти́н хайду́ци

и т. д., но чаще десятисложные стихи являются у Болгаръ въ пестрой смѣси съ другими стихами, однако, по напѣву, того-же ритма и числа стопъ, напр. у Дозона 42, гдѣ есть между прочимъ и такія сочетанія:

Разсъ́рди ся Моско́вска крали́ца,
Яхнѫ ко́ня с коса́ расплете́на,

Бо́й ми ся ѥ би́ла три дни́ и три но́щи
Че ми погу́била седемдесе́т паши́.

Особенно поучительно у Шапкарева 1199:

Зажени́ла се челу́шка девойкьа,
Покани́ла три́ста вра́пци сфатци;
Пупу́нкьо ку́м је кани́ла;
Ста́ра бу'ели́на, старо́йкьа кани́ла,
Па 'вана́ли през го́ра зеле́на,

если такая ритмическая размѣтка вѣрна, такъ какъ при этомъ условіи одна и та-же пѣсня содержала бы въ себѣ и древній складъ, сходный съ русскимъ, и новый, слоговой, который въ послѣднемъ стихѣ, допускающемъ однако чтеніе и по-старинному— ◡ ◡| ⊥ ◡ ◡ ⊥ ◡ ◡| ⊥ ⊥ —, предположенъ только потому, что ему предшествуетъ несомнѣнно слоговой стихъ. Если бы подтвердилось, что эта пѣсня поется именно такъ, она доказывала-бы лучше цѣлыхъ ученыхъ сочиненій то, что между древнѣйшимъ славянскимъ стихосложеніемъ и новѣйшимъ, не смотря на всѣ слѣды постороннихъ вліяній, все-таки нѣтъ пропасти, что wieść gminna, какъ говоритъ Мицкевичъ, служитъ и въ этомъ отношеніи

arką przymierza

Między dawnemi i młodszemi laty,

и въ безпорядочныхъ слоговыхъ стихахъ, похожихъ на стихи только при помощи напѣва, неизмѣнно

Žije, žije duch slovanský.

Живетъ и память о родствѣ стараго двѣнадцатисложнаго стиха съ позднѣйшимъ десятисложнымъ, такъ какъ Сербы постоянно превращаютъ одинъ въ другой, распѣвая то

Цр̑на̄ го̏ро, пу̏на ти̑ си ла̑да

(Кuћач 51), то

Цр̑на̄ го̏ро, цр̑на̄, пу̏на ти̑ си ла̑да,

иногда разлагаютъ первую половину вполнѣ посредствомъ повторенія, напр. (К. 132):

Си̏но̄ћ ми се, си̏но̄ћ ми се разср̀дио дра̑гӣ,

очень часто въ предѣлахъ одной пѣсни, какъ

Та̑вна̄ но̏ћи, пу̏на ти̑ си мра̑ка,
Та̑вна̄ но̏ћи, та̑вна̄ но̏ћи, пу̏на ти̑ си мра̑ка *),

а иногда достигаютъ того-же вставкой словъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ смыслу рѣчи,—ја̑до (см. Вуковъ словарь), ср̏це мо̀је, ла̏не мо̀је, напр.:

Да̏ ли ми је, ја̑до, јѐдна ли̏тра зла̑та,
Да по̀зла̄тӣм, ја̑до, Бо̏гданове вра́та!

или (К. 10 ср. 86):

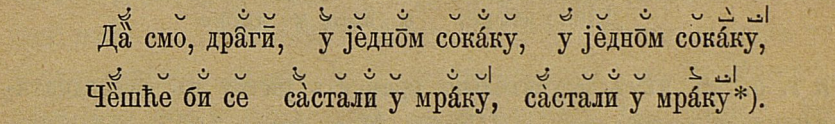
Ди̑ка пла́ва̄, ла̏не мо̀је, на̏ срцу ми спа̑ва̄.

Таковы, съ одной стороны, слѣды памяти о связи десятисложнаго стиха съ двѣнадцатисложнымъ и черезъ него — съ

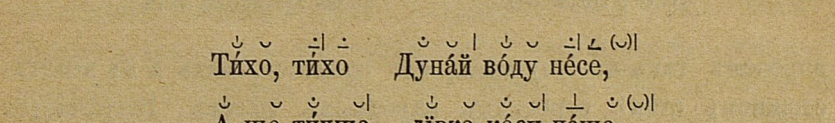
*) Путемъ такого повторенія иногда возстановляется первоначальный ритмъ первой половины, нарушенный въ первомъ стихѣ напѣвомъ, напр.:

Во̀зила се ша̑јка, ма́ла ба̑рка,
Возила се, возила се ша̑јка, мала барка.

четырнадцатисложнымъ; но, съ другой стороны, при долгомъ и частомъ употребленіи десятисложнаго стиха нечего удивляться тому, что въ сознаніи нѣкоторыхъ пѣвцевъ голое число слоговъ наконецъ возобладало надъ ритмической истинной длительностью каждаго изъ нихъ и потому одно принималось иногда въ расчетъ въ новыхъ или измѣненныхъ напѣвахъ, переносимыхъ на этотъ стихъ, напр.



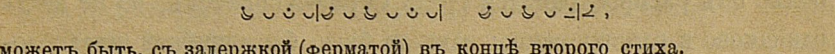
Въ этой письменной передачѣ ритма стихъ — не считая повторенія—раздѣленъ пополамъ на основаніи сѣченія, а не напѣва, въ которомъ оба полустишія составляютъ одно предложеніе, однако сѣченіе не только вездѣ соблюдено, но и такъ живо чувствовалось творцомъ напѣва, что онъ повторилъ не больше и не меньше слоговъ, чѣмъ сколько ихъ содержится послѣ четвертаго, обязательно совпадающаго съ концемъ слова. Еще понятнѣе забвеніе подлиннаго ритма въ десятисложномъ стихѣ у Малороссовъ, которые вообще употребляютъ его рѣдко, напр.



гдѣ второй стихъ, несмотря на сѣченіе въ словахъ, по напѣву слитъ въ одно предложеніе; но замѣчательны послѣдніе стихи этой пѣсни:

---

*) Такъ у Кухача 214; но тактъ $\frac{10}{8}$ или $\frac{5}{4}$ не даромъ былъ неизвѣстенъ древнимъ Грекамъ, хотя они признавали $\frac{5}{8}$: тактъ $\frac{5}{4}$, не поддающійся правильной ритмической размѣткѣ, есть обыкновенно $\frac{2}{4}$ (⏑ –) + $\frac{3}{4}$ (– ⏑ –). Поется эта пѣсня, вѣроятно, такъ:



можетъ быть, съ задержкой (ферматой) въ концѣ второго стиха.

Пливи́, ко́со, тим Дуна́ѥм про́сто,
Зада́й ту́гу зеле́ному лу́гу,
Зада́й жа́лю зеле́ному га́ю

съ риѳмой въ обѣихъ половинахъ, какъ часто у Сербовъ:

О̏чи пи̏јӯ, у тра́ву се кри̏јӯ.
О̏мах по̏ѣе, у та̀збину до̏ѣе.
Ди̂вно збо̀ре̄, а ди̂вно ме дво́ре̄

и т. п., съ чѣмъ поучительно сравнить риѳму въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507 г.):

О сла̏ва од го̏спо̄ј, а̂нгельска̄ ли́пости,
Ка̂ но̏сиш ва̏с о̀по̄ј љу̀вене̄ кри̏пости!
О сла̏ва и хва́ла, ко̀ја̄ с' гла̂с и пра̂вӯ
Племенштину да́ла на̏шему на́раву!

и т. д., а въ старинной чешской пѣснѣ Bůh naš všemohúcí даже такъ:

Ležal tři dni v hrobě, dal proklati sobě
Kucě, nozě obě na spasenie tobě,

впрочемъ такъ-же случайно, гдѣ придется, какъ и въ десятисложномъ стихѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Встрѣчается этотъ стихъ и у Поляковъ, но, хотя съ остановкой послѣ четвертаго слога, кажется, уже безъ признаковъ стяженія въ первой части и только въ соединеніи съ равнымъ ему въ этомъ видѣ стянутымъ стихомъ:

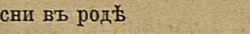
Kiedy ja szedł od swojéj dziewczyny, miesiąc świécił wysoko.

Итакъ десятисложный стихъ встрѣчается у Сербо-Хорватовъ, у Словѣнцевъ, у Болгаръ, у Малоруссовъ и у Поляковъ. Наиболѣе онъ распространился среди Сербо-Хорватовъ, но не вездѣ одинаково и одновременно: едва-ли было бы ошибкой предполо-

жить, что всего употребительнѣе онъ у Сербовъ Балканскаго полуострова съ Черногорцами включительно. Выше мы видѣли, что и отсутствіе этого размѣра у старыхъ Дубровчанъ и Хорватовъ, будучи сопоставлено съ появленіемъ его въ тѣ времена, къ которымъ относятся старѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ балканско-сербскихъ пѣсенныхъ памятниковъ, свидѣтельствуетъ, по видимому, также о происхожденіи этого размѣра гдѣ-то ближе къ юго-восточному предѣлу сербо-хорватской области. Отсюда онъ могъ съ одинаковой легкостью распространиться какъ на западъ и сѣверо-западъ, къ Хорватамъ и далѣе—къ Словѣнцамъ, такъ и на югъ и юго-востокъ, къ Болгарамъ. Естественно, что въ первомъ направленіи онъ долженъ былъ встрѣтить болѣе воспріимчивую почву, чѣмъ во второмъ, гдѣ онъ попалъ къ племени, правда, близкому по языку къ его создателямъ, но все-таки чужому и притомъ уже находившемуся подъ иными вліяніями. Но, если десятисложный стихъ выработался изъ двѣнадцатисложнаго въ особый, самостоятельный размѣръ именно у балканскихъ Сербовъ, трудно объяснить его появленіе у Малорусовъ и Поляковъ переносомъ изъ этого источника. Къ тому-же здѣсь онъ даже въ качествѣ случайнаго видоизмѣненія двѣнадцатисложнаго стиха попадается еще рѣже, чѣмъ у Болгаръ. Въ такомъ объясненіи и нѣтъ необходимости: онъ могъ возникнуть у того или другого изъ этихъ племенъ изъ того-же двѣнадцатисложнаго стиха помимо всякой посторонней помощи, какъ онъ возникъ и у Шведовъ, можетъ быть, изъ старинной скандинавской строфы Ljódaháttr *). Впрочемъ только при бли-

*) Эта строфа состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ которыхъ два первые—о двухъ удареніяхъ, а третій о трехъ,—т. е., въ стопномъ видѣ,

откуда, при пѣніи, уже недалеко до



какъ, вѣроятно, поются пѣсни въ родѣ

Jag kan intet dansa ryska-polska

и, по крайней мѣрѣ, могли бы исполняться стихотворенія Рунеберга, написанныя этимъ размѣромъ.

жайшемъ знакомствѣ съ исторіей сношеній между славянскими народами можно несомнѣнно и безповоротно разрѣшить вопросъ о зависимости малорусскаго и польскаго десятисложнаго стиха отъ сербскаго или объ ихъ исконной связи, допущенію которой нисколько не мѣшаетъ позднее появленіе этого размѣра, такъ какъ вообще чуть не все, что̀ относится къ пѣснямъ новыхъ народовъ, извѣстно намъ изъ временъ, болѣе или менѣе позднихъ. Предположеніе исконной связи кажется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что двѣнадцатисложный стихъ, изъ котораго, какъ мы уже видѣли, стянулся десятисложный, есть, какъ было также замѣчено выше, достояніе Славянъ и южныхъ и западныхъ, что̀ уже безспорно указываетъ на общность происхожденія этого размѣра или на его передачу южными Славянами западнымъ или наоборотъ. На этотъ разъ возможность непосредственной передачи очевидна, такъ какъ всѣ тѣ славянскія племена, которыя пользуются имъ, непосредственно соприкасаются или соприкасались другъ съ другомъ: Болгаре—Сербо-Хорваты со Словѣнцами — Чехо-Словаки—Поляки съ Лужичанами — Малорусы. Самостоятельно, въ видѣ особаго размѣра, которымъ слагаются цѣлыя пѣсни и стихотворенія, двѣнадцатисложный стихъ встрѣчается, съ одной стороны, у Сербо-Хорватовъ и Словѣнцевъ, съ другой—у Чехо-словаковъ и у Поляковъ. Который же изъ этихъ двухъ концовъ славянскаго міра слѣдуетъ признать мѣстомъ происхожденія этого размѣра или, если онъ, хотя-бы лишь въ основѣ, возникъ еще прежде распаденія общеславянскаго племени на отдѣльныя племена, мѣстомъ его разработки до степени опредѣленнаго, неизмѣннаго стиха, едва-ли мыслимой въ пору славянскаго единства? Извѣстенъ онъ намъ и тамъ и здѣсь приблизительно съ одного и того-же времени — съ XV в. Что въ Дубровникѣ онъ былъ употребителенъ раньше XV в., можно заключить изъ его широкаго распространенія въ тамошней письменности того-же XV в., куда онъ могъ проникнуть только изъ народной пѣсни, такъ какъ у Итальянцевъ, которымъ дубровницкіе поэты подражали, нѣтъ ничего похожаго

на этотъ стихъ. Но что и у западныхъ Славянъ онъ существовалъ задолго до того времени, когда мы находимъ его въ письменныхъ памятникахъ, можно заключить не только изъ его также народнаго происхожденія — такъ какъ и у Германцевъ его нѣтъ —, но еще изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ: 1) у Поляковъ есть не только этотъ размѣръ, но и пляска къ нему (krakowiak), которая, по всей вѣроятности, однообразно и окончательно опредѣлила самый строй его; 2) этотъ стихъ очень употребителенъ у Мадяръ, хотя ихъ исконный размѣръ есть, повидимому, осьмисложный стихъ, общій имъ съ Вогулами и Остяками, у которыхъ онъ впрочемъ, какъ и естественно, содержитъ въ себѣ то нѣсколько больше, то нѣсколько меньше слоговъ; 3) двѣнадцатисложный стихъ—правда, отчасти со случайными стяженіями, сокращающими его на слогъ или на два — извѣстенъ и Лужичанамъ, стихосложеніе которыхъ въ общемъ уже издавна подверглось нѣмецкому вліянію. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ, кажется, предположить, что истинная родина или, по крайней мѣрѣ, мѣсто выработки и выдѣленія этого стиха изъ ритмически ему равныхъ слоговыхъ соединеній въ особую, самостоятельную величину находится гдѣ-то въ области западныхъ Славянъ, и что оттуда онъ перешелъ черезъ Словѣнцевъ и Хорватовъ на Адріатическое побережье и въ предѣлы нынѣшней Сербіи, гдѣ отчасти сохранился въ первоначальномъ видѣ, отчасти стянулся въ десятисложный стихъ. Итакъ со значительной долей вѣроятности можно допустить, что источникомъ двѣнадцатисложнаго стиха, какъ особаго и неизмѣннаго размѣра, были края,

V ktorýh teče Dunaj, Visla i Morava,

можетъ быть, еще во времена kŕála Svatoplika,

Ked' tu panovala jeho mocná ruka,

какъ говоритъ извѣстная словацкая пѣсня (впрочемъ, искусственная), которая кстати и сложена этимъ размѣромъ. Прежде чѣмъ

окончательно отлиться въ это число слоговъ (по четыре ритмически короткихъ и по два ритмически долгихъ въ каждомъ полустишіи взамѣнъ прежнихъ видовъ этого стиха — отъ осьми ритмически короткихъ слоговъ до четырехъ ритмически долгихъ на полустишіе), этотъ стихъ могъ еще долго колебаться въ своемъ строѣ, то здѣсь, то тамъ возвращаясь къ старинной свободѣ, однако не во всей ея широтѣ, а лишь до такихъ предѣловъ, внутри которыхъ эти вольности, именно лишнія стяженія, казались только случайными уклоненіями отъ общепризнаннаго склада, не мѣняющими размѣра, подобно тому, какъ такія случайныя стяженія не разрушаютъ стиха, соотвѣтствующаго дубровницкому «четирнаестéрцу» въ малорусской пѣснѣ:

Ой, бýв, та немá; поíхав на рíчку;
Колú-б ёгó чортú взялú, постáвила-б свíчку

или въ великорусскомъ ея отраженіи:

Мой мýжъ нехорóшъ,— поéхалъ на рéчку;
Дай Бóгъ, ка-бъ издóхъ: постáвила-бъ свéчку.

Въ числѣ возможныхъ стяженій двѣнадцатисложнаго стиха естественно было наряду съ установленнымъ или, вѣрнѣе, устанавливающимся видомъ его появляться иногда и десятисложному, и притомъ скорѣе съ такимъ распредѣленіемъ слоговъ:

,

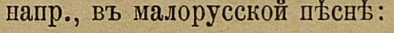
какъ у Сербо-Хорватовъ, а не съ противоположнымъ —

,

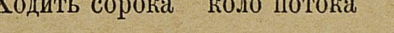
съ какимъ онъ, кажется, не употребителенъ нигдѣ, потому что всѣ народы обыкновенно стремятся къ возможной ясности ритма въ концѣ стиха, а скопленіе ритмическихъ долготъ и вообще

однообразіе составныхъ частей ритма легко ведетъ къ недоразумѣніямъ относительно его строя. Сюда-же можетъ относиться и еще одинъ видъ десятисложнаго стиха, съ сѣченіемъ послѣ пятаго слога, попадающійся у Сербо-Хорватовъ (самый старый примѣръ, но между другими размѣрами, въ XVI в., какъ указано выше, у Ранины, а безъ примѣси — чуть-ли не въ XVII в. у Бунича), у Болгаръ, у Чеховъ, у Малорусовъ (но и у новыхъ Грековъ), если только онъ измѣрялся первоначально

а не такъ, какъ, напр., въ малорусской пѣснѣ:



или въ валашской (ганацкой):



что̀ весьма вѣроятно, потому что двухчетвертной ритмъ, очевидно, древнѣе трехчетвертного вслѣдствіе парности не только нашихъ конечностей и естественно производимыхъ ими движеній, напр. ходьбы, но и членовъ противоположенія, какими въ ритмическихъ стопахъ являются сильныя и слабыя ихъ части.

Какъ бы то ни было, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что двѣнадцатисложный стихъ перешелъ въ разные концы занятой Славянами области, повидимому, изъ того самаго края, изъ котораго въ IX и X в. распространилось между Славянами христіанство и съ нимъ—кирилловская азбука и «почитаніе книжное». Если такое предположеніе вѣрно, вліяніе этого края на духовную жизнь окрестныхъ славянскихъ племенъ было еще шире, чѣмъ можно было думать на основаніи исторіи распространенія славянскихъ церковныхъ книгъ. Что и грамота и двѣнадцатисложный стихъ проникли въ Дубровникъ, посредственно или непосредственно, изъ этого источника, позволительно

14989

заключить изъ древнѣйшаго дубровницкаго образчика такихъ стиховъ, обнародованнаго академикомъ И. В. Ягичемъ (Изв. отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ т. I, кн. 3, стр. 466): это четверостишіе написано не глаголицей и не латиницей, а кириллицей. Не лишено значенія и то, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ этотъ размѣръ встрѣчается, повидимому, особенно часто на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ сравнительно нерѣдокъ и упомянутый выше десятисложный стихъ съ сѣченіемъ по серединѣ, какъ

Пло̀вӣ Ду̏навом ла̑ђа ла̀гана.

Ѳ. **Коршъ.**

2007110880